

трудняюсь дать ответ. И, думаю, гут я не одинок. Мы привыкли, что в Узбекистане носят халаты и тюбетейки, что эстонцы сдержанны, а в Армении, напротив, люди темпераментны. Так вот, увидев в кино узбека в джинсах, бурно жестикулирующего эстонца или спокойного армянина, мы готовы подчас обвинить экран в потере народного духа — столь сильна в нас инерция стереотипных представлений.

Между тем задача заключается в том, чтобы выйти на рубежи общечеловеческих проблем, не упуская национальных, конкретных подробностей жизни.

Представляя сегодняшнюю кинематографическую продук-

Так получилось, что герои моих последних фильмов пришли на экран из прошлого. Почти все они поставлены в условия, требующие сверхчеловеческого напряжения разума, воли, сил. Конечно же, сегодня не требуется той самоотдачи, с какой Корчагин строил узкоколейку. Но и сейчас важно уметь жить не половиной души, а всей душой. В нормальных, а не в экстремальных условиях это дается человеку, быть может, труднее. Вот почему, как мне кажется, сегодня необходимо говорить с экрана о таких высоких понятиях, как гражданский долг, вера в идею, в человеческое счастье. Во все, что воспитано в нас револю-

все свои силы отдавая призрачной символике композиционных построений, некоей поэтической недосказанности, считающейся признаком «хорошего тона». Право, мне по душе стилистические новации последних лет, и я всячески приветствую поиск новых форм, но подчас потери дорожки находок. Из фильмов уходит страсть; научившись пробыть к мысли зрителя, кино в то же самое время разучилось пробуждать в нем чувство. Более того — все чаще функции кинематографа сводятся к простейшей информации, не претендующей на призывы ни к разуму зрителю, ни к его эмоциям.

Соседка по дому как-то смотрела очередной телевизионный сериал, снятый по одному известному роману. Роман этот она держала в руках и, попеременно глядя то на экран, то в книгу, предвосхищала экранные события: «Сейчас он войдет в дом!» Или: «А теперь он скажет то-то и то-то». Не ошиблась она ни разу; только, пожалуй, это и было самым интересным в часы просмотра — сверять фильм с романом, настолько слабой оказалась картина, словно бы перечислившая ровным, спокойным голосом все поступки, все слова героев, не так и не взволновавшая зрителей.

В чем тут дело?

Я перечитываю строки недавнего постановления ЦК КПСС о литературно-художественных журналах. Какого глубокого смысла полны строки о живой связи литературы с современностью! Но коль скоро живой, то не умозрительными, тем более не ремесленническими выкладками можно ее достигнуть. А только тем, что пережито вместе с людьми, подслушано у них, взято из гущи их поисков и забот, мечтаний и свершений.

Настоящее интернациональное кино, как и всякое настоящее искусство, родится из общей боли и совести. Из общих радостей и забот, которые, верю, перерастут праздную суету необязательных встреч, торопливых деловых перебранок и, в сущности, слабого знания друг друга. Вот почему я так дорожу дружбой с коллегами из других республик, среди моих друзей — грузинские кинематографисты Тенгиз Абуладзе, Георгий и Эльдар Шенгелая. Благодаря этой дружбе, мне кажется, я лучше понимаю грузинские горы и поэзию Шота Руставели. Я чувствую, как все теснее переплетаются наши корни.

И вот о чем еще мне хотелось бы рассказать моим друзьям. Однажды на телеэкране я увидел двух людей, они встретились после тридцати с лишним лет разлуки. Пожилая украинская женщина и средних лет грузин — их разыскали, и оказалось, ничего не забылось, все сохранилось в человеческой памяти. Смахивая слезы, грузин нежно повторял украинские слова, и старушка плакала, вспоминая войну, себя — молодую и грузинского летчика, приземлившегося с парашютом неподалеку от ее хаты. Знаю точно: перед передачей не было репетиций, и операторы долго не могли начать съемку — у них, привычных ко всяким неожиданностям, дрожали руки.

А мне вспоминались русские беженцы в родной Меловатке.

И еще — соловьи на лейпцигском кладбище, где лежат советские солдаты.

Сейчас у меня в руках дневник болгарки Лилии Карастояновой, павшей от фашистской пули в белорусском лесу: семье Карастояновых будет посвящен мой новый фильм.

Отстоит ли человек самого себя в той борьбе, что идет в современном мире, — между гуманизмом и ненавистью ко всему живому, между нравственностью и бездуховностью, между верой и безверием? Это наша общая тревога. И ответ ей — действенное наше братство, заставляющее едино ощущать боль века.

Николай
МАЦЕНКО

ПРОМЕТЕЕВ ОГОНЬ

ИЗВЕСТНЫЙ
УКРАИНСКИЙ
КИНОРЕЖИССЕР —
О ПУТЯХ
МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО
СОВЕТСКОГО
КИНЕМАТОГРАФА

цию на суд зрителей грядущего века, я все чаще задумываюсь, какой увидят нашу жизнь потомки. Боюсь, не наскучила бы им бодрая ватага деловых людей, суетящихся на экране. Боюсь, не поймают потомки нашего стремления подогнать человека под схему, априори заявленную фильмом. Да и проблемы, которые занимают авторов, сами по себе далеко не всегда предстают в сколько-нибудь убедительной ситуации. Увы, своей робостью, вялостью, неумением дать концентрированное ощущение жизни кинематограф существенно обедняет современного положительного героя.

Ведь ни болезнь, ни даже сама смерть не могут сломить человека, чей дух питает идея, ведущая его в будущее, а значит, в бессмертие. Способность преодолеть слабости и недуги своей природы, подняться до вершин духовности всегда накладывает на человека печать красоты. Именно ее черты я искал в своих комиссарах, в Лесе Украинке, в Корчагине, в Оводе — в сердцах этих людей горит Прометеев огонь...

Думаешь и о том, что ни одно истинно национальное искусство не живет без ярких эмоций. Между тем сегодня мы как-то начали стыдиться слез, мы боимся громких слов,

УДОГО — свое чувство братства. Ко мне оно пришло еще в военную пору, когда я заглянул в глаза пятилетней девочки из блокадного Ленинграда. В маленьком нашем селе она появилась вместе с другими людьми, ехавшими с севера страны, от холода и бомбежек. Люди эти были нам чужие, и непривычно звучала для исконных украинцев русская речь, но помню отчетливо, как принимали беженцев в семьи и делились всем, что имели.

Конечно, детский разум не мог тогда постигнуть и оценить всю глубину этого понятия — братство. Позже я понял, в чем его истоки. Понял я и то, что чувство братства, выстраданное веками испытаний, не растворяется во времени: им движима история, жизнь, культура. Наглядное тому подтверждение — история украинского кино, которое на всем пути бурного своего развития было связано с именами мастеров из братских республик. Здесь, как веки, встают герои Украины, чьи образы воплощены на экране русскими актерами: Богдан Хмельницкий — Николай Мордвинов, Микола Щорс — Евгений Самойлов, Тарас Шевченко — Сергей Бондарчук, Леся Украинка — Алла Демидова... Лишь в единой семье художников-братьев возможно было создание таких фильмов, как «Радуга» и «Мать» Марка Донского, «Трактористы» и «Богатая невеста» Ивана Пырьева, «Большая жизнь» Леонида Лукова, — все они снимались на Киевской киностудии. Разумеется, у каждого из национальных киноискусств своя кардиограмма художественного развития, предполагающая известную творческую самостоятельность. В какой точке им дано пересечься, чтобы достичь столь необходимой нашему искусству интернациональной общности? Думается, это должна быть точка самая высокая, где бьется мысль, где волнуется чувство. Мне кажется, что искусство становится интернациональным именно тогда, когда ему удается в полной мере постигнуть свою собственную национальную суть.

Славу всего советского кино составили фильмы украинцев Александра Довженко и Игоря Савченко. Они умели любить свой народ. Однако своеобразие народного, национального украинского характера выражалось и выражается сегодня не в одном только этнографическом колорите, так замечательно освоенном в шестидесятые годы поэтическим кинематографом. Между тем рушники и атласные шаровары, равно как и украинские народные песни, переходят из картины в картину не органичным элементом драматургии, но назойливой и часто избыточной краской. В результате возникает некий мелкопоместный, «хуторской» кинематограф — живописными подробностями украинского быта авторы словно ограждают территорию своих художественных раздумий. Конкретные реалии не становятся метафорами, действие не выходит на простор обобщений...

К тому же вышитые сорочки и белые мазанки, принятые за признаки национальной культуры, уместны главным образом в исторических сюжетах. Сегодня мы живем в многоэтажных домах, одеваемся по единой моде, поем любимые всеми советскими людьми песни. Как выжить национальное в нашей современной повседневности? Говоря по чести, я сам за-